

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 2 (61)

Черкесские армяне (адыгэ ермэлхэр). Материалы к историко-этнографическому описанию армянской общины Черкесии

(Начало в выпуске 60)

Рафаэль Скасси, попечитель торговли с горцами, в 1818 г. отмечал: «С давнего времени армяне, живущие на равнинах бжедухов, абадзехов и шапсугов, женились у черкесов и приняли их нравы и религию. Они суть главные пружины сих набегов по жадности их к прибыли, которую получают они от покупки невольников и от того, что они всегда стараются, дабы черкесы были в войне с нами; при том же они боятся, чтобы черкесы не показывались на границах наших, дабы выменять у них те произведения, которые они могли бы на границе променять по ценам гораздо выгоднейшим; они-то говорят им о праздничных днях их и показывают места, удобные для похищения скота». (АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 449). Это донесение Скасси с головой выдает в нем стремление отодвинуть от выгодной торговли в Черкесии черкесогоаев и ввести, по сути, собственную монопольную торговлю. Стараясь получить максимальные преимущества, попечитель настраивает командование и администрацию в регионе против черкесогоаев, невероятно преувеличивая их участие в военной конфронтации.

Тем не менее, включенность черкесогоаев в военные действия на стороне черкесов действительно имела место и зафиксирована в ряде документов. Более того, отмечается кооперация с нахичеванской армянской общиной: «Из показаний, отбираемых в Екатеринодаре от выбегающих от черкесского плена людей, открылось, что нахичеванские армяне переезжают к черкесам, имеют с ними тесную связь, объявляют им число войска нашего, стоящего на границе, указывают места, способные к переправе для разорения жителей наших, живущих близ границы, даже провожают их на сию сторону и бывают с ними вместе при нападениях, получая за то из добычи двойную часть; наконец, закупивши там товары, переправляются на нашу сторону под видом жителей черкесских и таким образом возвращаются в Нахичевань.

Доводя сие до сведения в. выс-а, имею честь доложить, что к отвращению бедствен-

ного сего промысла по границе моего начальства взяты строгие меры, а чтобы оные не могли переезжать на ту сторону выше Екатеринодара, в дистанции порученной вам, всепокорнейшее прошу о предписании кому следует*. [*По этому поводу предписано было ген. Булгакову приказать, чтобы таких армян на всех постах линии ловили и без паспортов от начальства не пропускали].» (Письмо дюка де Ришелье к ген. Тормасову от 6 августа 1810 года, № 4023. Одесса // АКАК. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 826).

Этнокультурный облик черкесогоаев

Краснодарский социолог М. В. Савва характеризует черкесогоаев, черкесских армян, как часть армянского этноса, обладающую, тем не менее, зримыми чертами этнокультурной самобытности: «Черкесогоаи (самоназвание эрмелы) представляют собой одну из локальных субкультурных групп армян Северного Кавказа. За время длительного проживания в среде горцев они утратили свою первичную традиционную культуру и армянский язык, полностью заимствовав местные обычаи и даже языковые диалекты адыгов. В то же время черкесские армяне всегда оставались адептами Армянской Апостольской Церкви, что являлось определяющим фактором их армянской идентичности. В конце XVIII века, во время их переселения на русскую сторону Кубани, и позднее, с основанием ими Армавира, они, общаясь с другими армянами, прибывшими на Кубань, выучили армянский язык, чтобы иметь возможность контактировать со своими соотечественниками. Впоследствии, со значитель-

ным увеличением русского населения в Армавире, среди них распространился русский язык, который они используют в настоящее время в качестве повседневного языка, что порой приводит к тому, что часть городских черкесогоаев причисляет себя к русским. Следует отметить, что для черкесогоаев была характерна противоречивость в определении своей этнической идентичности. В одном случае они называли себя черкесогоаями и противопоставляли себя всем остальным этническим образованиям. В другом случае они говорили о себе как о черкесах, в особенности когда речь шла о тех или иных культурных признаках, например о языке, пище, одежде и др. В третьем – говорили о себе как об ар-

невного употребления, так же как и черкесский язык, и в качестве языка общения ими используется русский язык». (Савва М. В. Армяне Краснодарского края: «лица кубанской национальности». См.: <http://www.mashtots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty>. В вопросе идентичности черкесогоаев Савва опирается на исследование К. Э. Григорьяна: Григорьян К. Э. Грани идентичности. Социокультурное пограничье как фактор формирования этнического самосознания (на примере субэтнических групп армян). РАН. Центр цивилизационных и региональных исследований. М., 2006. С.122–123).

В отношении религиозных воззрений черкесогоаев, М. В. Савва подчеркивает перепле-

тение христианских и языческих представлений: «В религиозном аспекте четко прослеживается адыгское влияние, в результате чего сложился синкретичный в своей основе (этнические и конфессиональные компоненты слились) погребально-поминальный ритуал. Показательно, что христианское духовенство в течение долгого времени боролось против разных проявлений языческих верований и добилося того, что в 1871 году по решению армавирского общества был запрещен целый ряд обрядов и обычаев нехристианского характера». (Савва М. В. Армяне Краснодарского края: «лица кубанской национальности». См.: <http://www.mashtots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty>. В вопросе о формировании конфессионального облика черкесогоаев М. В. Савва опирается на исследование Аракеляна: Аракелян Г. С. Черкесогоаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984.

С. 109).

Л. А. Погосян детально приводит все те многочисленные и многолетние, можно сказать, столетние, усилия, которые приложила российская администрация в регионе Северо-Западного Кавказа вкупе с представителями армянской церкви для того, чтобы трансформировать черкесогоаев и полностью интегрировать их в единую армянскую общину региона. Исследование Л. А. Погосяна завершается выводом: «Разбросанные по всей Черкесии армяне в короткий промежуток времени, объединив свои усилия, сумели воссоздать и освоить традиции армянской культуры. Естественно, все это уже происходило под непосредственной поддержкой русской культурной среды и их соотечественников-армян». (Погосян Л. А. Армянская колония Армавира // http://86137.ru/pogosyan_content.htm).

В 1840 г. начальник Кубанской области просил католикоса содействовать постройке армянской церкви в Армавире. (Аракелян Г. С. Черкесогоаи. С. 41).

Более того, военные власти в регионе допускали передачу захваченных во время рейдов в Черкесию детей в семьи черкесогоаев с последующим их крещением. «В силу каких причин, – задается вопросом Г. С. Аракелян, – черкесы могли принять христианство? Некоторые документы из фонда Католикосского архива проливают свет на этот вопрос. Так, документ № 7 содержит прошение священника Екатеринодара Мкртыча, в котором он просит разрешения на усыновление и крещение группы двенадцатилетних юношей черкесов, которых в качестве пленных продали армянам. Очень важным является документ №15 (за 1848 г.), разрешающий католикосу Нерсесу обращать черкесов в «армяно-григорианскую» веру, «но при этом новокрещенные отнюдь не могут быть обращены в крепостное состояние, а по принятии подданства России, должны быть причислены к городскому или сельскому сословию, и, пользуясь дарованною льготой, оставаться совершенно свободными». (Аракелян Г. С. Черкесогоаи. С. 71).

«В папке № 108 архива католикосов Матенадарана им.

Никита (Мэджелыш) Павлович Бограсуков
(ум. 1913)

мянах, в особенности когда речь шла об их вероисповедании. Все это, несомненно, явилось результатом как сложности процесса формирования данной группы, так и мозаичности ее этноязыковой и культурной природы. На данном этапе армянский язык практически вышел у них из повсед-

<http://www.mashtots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty>. В вопросе о формировании конфессионального облика черкесогоаев М. В. Савва опирается на исследование Аракеляна: Аракелян Г. С. Черкесогоаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984.

КУЛЬТУРА ЧЕРКЕСОГАЕВ

М. Маштоца имеется прошение астраханского синода от 1847 г., где говорится о том, что священник екатеринодарской армянской церкви «просит разрешения окрестить в григо-

масштабы торговых дел также способствовали их значительному расселению по всей Черкесии. Имеются прямые указания, что армяне жили почти среди всех основных адыгских групп: кабардинцев, темиргоевцев, бесленейцев, абадзехов, егерухаевцев, хатукаевцев, бжедухов, шапсугов, натухайцев и др.». (Там же. С. 64-65).

Имена черкесогоаев были такими же как у

черкесов – этническими адыгскими, а также тюркскими и мусульманскими в их черкеском звучании. Женские имена: Айшет, Пырын, Ешыгуау, Хьатыке, Сур, Гузэл, Сырым, Куаку, Хьакъэраж, Гозимаф, Сырыф, Нашхьо, Нагъо и т. п. Мужские имена: Бабасин, Псоуб, Хауд, Бишуп, Аслан, Борох, Псегуп, Башык, Соосрич, Хут, Хапач, Бох, Шумаф, Пшимаф, Тутух, Шрух, Щьэоай и т. п.

Многие и, вполне вероятно, большинство черкесогоаев имели адыгские фамилии. Г. С. Аракелян отмечает, что «прежняя фамилия нынешних Аракелянцев была Бальжийкьо... По имени предка Джентемира фамилия Гьагупокъо была заменена фамилией Джентемиров. Аналогичных примеров можно привести множество». (Там же. С. 123). Черкесогоайской формой фамилии Аракеловых являлась фамилия Аджэмэ, по названию той области Ирана, откуда переселился в Черкесию предок этого рода. Помимо Аджэмэ, у Аракеловых были два фамильных ответвления – *Шьык* и *Пальыу*.

Выдающийся энтузиаст сохранения историко-культурного наследия черкесогоаев Рафаэль Каспарович Аракелов (1912-2001) собрал значительный корпус топонимов Армавира и его окрестностей на черкесогоайском диалекте адыгского языка. Внутри Армавира он перечисляет 41 адыгоязычный топоним, в том числе, например, весьма характерный *Шьыблэчъыг*, т. е. «дерево Шьыблэ»:

«*Шьыблэчъыг* (*Шьыблэчиг*) (адыг.) – старое большое дерево-белолестка, находившееся на левом берегу Кубани, ниже спуска из города по ул. Кирова. Шьыблэ «гром», чъыг «дерево», т. е. «Дерево (посвященное) грому». Белолестку неоднократно поражали удары молнии, что делало ее для армавирицев священным, ритуальным деревом. Здесь, под его кроной, проводили моления и приносили жертвы. На ветви вешали части одежды больного человека, так как верили, что вместе с вещью болезнь передается дереву. Белолестка являлась частью «Первой роши», которая вместе со

«Второй рошей» и «Третьей рошей» образовывала часть кубанского пойменного леса. До наших дней сохранилась только «Третья роша», а другие были вырублены. Дерево считалось собственностью всего села Армавир, но были еще два родовых дерева, одно из которых принадлежало Каспаровым.

Джыджэ уащхь (адыг.) – так черкесогоаи называли холм, располагавшийся на месте современного Армавирского специального конструкторского бюро испытательных машин по ул. Энгельса, 154. Топоним состоит из двух основ: *джыджэ* – архаичное, ныне неупотребляемое слово, означавшее «столб» (в настоящее время заменено современным словом *пкъэу* с тем же значением); *уащхь* «холм», т. е. «Столб на холме». У черкесогоаев холм имел ритуальное значение – здесь молились о ниспослании дождя и приносили жертвы. Моление происходило следующим образом: две-три женщины, волоча за собой надочажную цепь *лхонч*, декламировали заклинание и при этом семь раз обходили столб. Остальные участники, женщины и мальчики, приносили жертвенных петухов, которых резали после молитвы-заклинания. Затем жертвенное мясо варили, резали на куски и съедали. Имитировал ли столб на холме изваяние божества или же священное дерево, которому поклонялись черкесогоаи, сказать трудно. С течением времени здесь стали копать глину для хозяйственных нужд. Холм был разрыт, столб исчез, и к 1920-м гг. от возвышенности осталась только половина. В связи с этим возникло новое название – *Ущхьэныкьо*, т. е. «Холма половина».

Джаурхьабл (*Гаурхьабл*) (адыг.-араб.) – один из 4-х традиционных исторических кварталов Армавира, занимавший территорию между современными улицами Халтурина и Кирова. Этот квартал был образован выходцами из старейшего в Адыгее аула черкесогоаев *Джаурхьабл*, который находился в землях племени темиргоевцев на р. Белой, между станицами Белореченской и Ханской. Переселенцы из аула Джаурхьабл основали в Армавири одноименный квартал. Топоним состоит из двух слов: *джаур* «неверный», «немусульманский», *хьабл* «аул», «квартал»,

т. е. «Аул неверных».

Еджеркьоай (*Еджеркай*) (адыг.) – один из 4-х традиционных исторических кварталов Армавира, занимавший территорию между современными улицами К. Маркса и Ефремова. Квартал был образован черкесогоаи, вышедшими в Армавир из земель адыгейского племени Еджеркьоай, по имени которых и был назван данный квартал. Этноним Еджеркьоай состоит из двух частей: *Еджер* – собственное имя, *кьо* «сын».

Хьагупэкьохьабл (*Хагупэкохьабл*) (адыг.) – один из 4-х традиционных исторических кварталов Армавира, занимавший пространство к востоку от современной улицы Халтурина. Квартал получил свое название по фамилии горских армян Джантемировых, черкесская форма которой звучит как *Хьагупэкьо*. Второй компонент топонима – *хьабл* переводится как «квартал». Эта часть Армавира образовалась позже других, весной 1859 г., и самым многочисленным родом здесь были Джантемировы (18 семей), по имени которых и был наречен квартал. Второе свое название (*Хьаклуцу*) этот же квартал получил по имени маленького «сборного» черкесского племени *Хьэклуцу* (*Хакучи*), в которое вливались представители различных племен, покинувшие по различным причинам родные места.

Хьатикъуай (*Хатукай*) (адыг.) – один из 4-х традиционных исторических кварталов Армавира, занимавший территорию между современными улицами Кирова и К. Маркса. Квартал был образован черкесогоаи, вышедшими в Армавир из земель адыгейского племени хатукаевцев, по имени которых и был назван данный квартал.

Гьусэрыкьомэ хьапIэжъ (адыг.) – так армавирические черкесогоаи называли дом на углу нынешних улиц Комсомольской, 121 и К. Маркса, 68, в котором сегодня располагается штаб Лабинского отдела Ку-

банского казачьего войска. Гьусэрыкьо «Гусаровы» (адыгейская княжеская фамилия), *я* «их», *ханIэ* «поместье», «план», *жъ* «старый», т. е. «Гусаровых, их поместье старое». Земельный участок и построенный на нем дом принадлежали черкесскому князю, полковнику российской армии, начальнику Бжедужовского округа Крым-Гирею Гусарову, который в 1840-х гг. вместе с семьей поселился в ауле Армавир. Дом был построен в 1852 г. В марте 1862 г. полковник был убит в бою у реки Пшиш. Вдова, княгиня Гусарова, занимала дом примерно до 1880-х гг., а затем продала его и уехала с детьми в аул к родственникам.

Пщимафэ уащхь (*Пщимафэ уащхь*) (адыг.) – крутой подъем по нынешней ул. Горького, между улицами Комсомольской и Ленина. Пщимаф – собственное мужское имя, антропоним, и «его», *уащхь* «гора», «возвышенность», т. е. «Гора Пщимафа». Холмистый подъем заканчивается у кирпичного дома на углу улиц Горького, 86 и Ленина, 151. Его владельцем был коренной армавирец Захаров (Зэчарыкьо) Пщимаф, и поэтому возвышенность названа его именем. Дом построен в 1902 г. и на кованом надкрыльном навесе имеет вензель в виде двух букв, инициалов бывшего владельца». (Аракелов Р. К. Топонимика (расшифровка, перевод названий). Под редакцией Ктиторова С. Н. http://armavirskiy.narod.ru/hist/arakelov_content.htm).

Черкесогоайское население Армавира длительное время сохраняло традицию помещения родового знака-тамги на воротах или фасадах домов. В этой связи существовало понятие «*Тамыгээр зытедагъэун*» или «*Дом под тавром*».

«Тамга черкесогоаев Тарасовых выглядела как треугольник, подвешенный к горизонтальной палочке, загнутой справа вверх. Ее изображение было выковано на железных воротах торгового дома Оганеса Тарасова, на месте кото-

Анри Труайя (Лев Асланович Тарасов)

рианскую веру детей народностей других вероисповеданий, которых взяли в плен среди черкесов с другой стороны Кубани, не спрашивая впредь высшего правления. В той же папке содержатся различные документы относительно крещения черкесов – как отдельных лиц, так и групп». (Там же). Эти данные свидетельствуют о том, что в период с 1840 по 1864 г. община черкесогоаев вобрала в себя значительное число этнических черкесов.

Г. С. Аракелян, автор диссертационного исследования о черкесогоах, подчеркивает их почти полное этнокультурное единство с черкесами: «По сведениям всех авторов, непосредственно знавших армян, переселенцев с черкесских гор, последние полностью забыли армянский язык и полностью походили на черкесов. Единственное, что, по мнению этих авторов, отличало их от черкесов, была религия. К сожалению, наука ныне не располагает данными, которые могли засвидетельствовать быт армян того периода, когда они жили непосредственно в черкесской среде. Однако имеется достаточно много этнографического материала относительно первоначального этапа проживания армян в новом ауле, после переселения с гор. Эти материалы, наряду с полевыми материалами, собранными автором данной работы, подтверждают, что в области хозяйственного быта и материальной культуры (занятия, поселение, жилище, одежда, пища), общественно-семейной жизни (взаимоотношения в семье, обществе, брачно-свадебные, родильные и похоронно-поминальные обычаи), духовной культуры и уклада жизни армяне в период проживания в черкесских горах подверглись сильному влиянию черкесской этнокультурной системы. При каких условиях и каким образом могло иметь место такое сильное воздействие? Материалы показывают, что среди адыгоязычных групп армяне жили дисперсно: первые пришельцы мужчины вступали в брак с черкешенками и рассеялись по разным аулам. Кроме того, широкие

Здание музея им. Е.Д. Фелицына. Бывший дом купцов братьев Х.П. и К.П. Богарсуковых, 1900-1901 гг., ул. Гимназическая, 67.
Дом купцов Богарсуковых в Краснодаре

КУЛЬТУРА ЧЕРКЕСОГАЕВ

Александр Борисович
Кусиков

рого сегодня находится здание по ул. Кирова, 49. Это тавро принадлежало Тарасовым из колена *Асланыкъо*, которые были известны как крупные торговцы и промышленники. Фамилия Тарасовых была представлена в Армавири еще одним коленом – *Чемацекъо*, члены которого занимались скотоводством, а в дальнейшем являлись служащими». (Аракелов Р. К. Внутригородские микротопонимы и географические названия, непосредственно связанные с Армавириом // http://armavirskiy.narod.ru/hist/arakelov_content.htm).

Наш современник, известный бизнесмен и политик Артем Тарасов, является потомком этого знаменитого черкесогойского рода. На его личном сайте помещена тамга рода Тарасовых (www.artem-tarasov.ru). (См. фото).

В окрестностях Армавира Р. К. Аракелов называет 26 адыгоязычных топонимов, в их числе, например,

«Болэтокъом иаджал чыпль» (адыг.) – местность на высоком правом берегу р. Кубани, против впадения в нее р. Урупа. Буквальный перевод топонима – «Болотокова, его смертного часа место». Армавиры считали, что здесь был убит темиргоевский князь Джембулат Болотоков, являвшийся воспитанником черкесогоаев из рода Джагуповых».

Джембулат Болотоков являлся старшим князем Темиргоя, на территории которого находилось несколько аулов черкесогоаев. Ф. А. Щербина, склонный вообще живописать некий конфессиональный конфликт между черкесами и черкесогоаеми в период Кавказской войны, тем не менее, очень высоко оценивает фигуру Болотокова и тот уровень безопасности жизни и имущества, который существовал в период его правления: «Князь отличался непреклонным характером и поддерживал самые строгие порядки в своих владениях. У него, рассказывали армянские старики, не было никаких шалостей и воровства и жилось всем спокойно. Даже утерянные вещи были разыскиваемы и возвращались их владельцам». Кроме того, «между армянами и князем Болотоковым существовали самые близкие и дру-

жеские отношения. Дело в том, что армяне Гяур-хабля были аталыками князя. В их ауле жил аталык Джембулата Болотокова – Джагупов, вскормивший и воспитавший князя, а по обычаю и весь аул, как чисто родовая организация, находился также в аталыческих отношениях к князю». (Щербина Ф. А. История Армавира и черкесогоаев. С. 10).

Джембулат Болотоков был убит, когда возвращался в свои владения после посещения ставки генерала Засса в Прочном Окопе. Это произошло в 1838 г., а на следующий год Зассу удалось, как обычно преподносят это в последнее время, «вызволить» из Темиргоя армянскую общину. Но «вызволить» пришлось не из глубины владений Болотоковых, а всего-навсего из района устья Лабы, где с 1836 года находился аул самого Джембулата, а также еще несколько аулов, включая Гяур-хабль. По сути, армянское переселение поближе к русским владениям было осуществлено совместно с черкесами-темиргоевцами еще за три года до основания Закубанского Армянского аула при устье Урупа. Черкесогойская община просто перешла от устья Лабы к устью Урупа по требованию Засса. Это важнейшее обстоятельство необходимо помнить при анализе проблемы основания Армавира. Черкесогоаи не находились в некоем враждебном окружении – напротив, они комфортно проживали внутри традиционно мирной темиргоевской среды под управлением также традиционно благожелательно к ним расположенной княжеской семьи Болотоковых. Весьма характерно, что имя Джембулат было дано потом в роду Джагуповых человеку, который стал выдающимся прозаиком и драматургом, автором произведений на исторические темы. Этим человеком был Джембулат Акимович Джагупов, советский адыгейский писатель и драматург, автор романа «Звезда Галимет», пьес «Сузан» и «Возмездие».

Ф. А. Щербина в связи с убийством Джембулата пишет следующее: «князь Джембулат Болотоков был предательски убит из засады какими-то неизвестными убийцами в лесу по правую сторону Кубани, против впадения в нее р. Уруп. Убийство Болотокова случилось при обстоятельствах, заставлявших армавирицев предполагать, что оно совершено было не без участия генерала Засса, к которому в Прочноокоп ездил Болотоков, чтобы оправдаться от обвинений в неблагонадежности, возведенных на него лазутчиками. Когда, после трехдневного пребывания в Прочноокопской крепости, Болотоков проезжал по высокому правому берегу Кубани у леса, то скрывавшаяся здесь засада пустила в князя град пуль, одной из которых он и сражен был. Говорят, что Болотоков, умирая, назвал имя

одного замечательного стрелка ногойца, который только и мог убить его на далеком расстоянии от леса и который служил у Засса. По другим рассказам, Джембулата Болотокова убили прочноокопские казаки, так как один из них, отличавшийся, впрочем, бахвальством, хвастался, что смерть черкесского князя была делом его рук». (Щербина Ф. А. История Армавира и черкесогоаев. С. 11).

Вину за убийство Джембулата на Засса прямо и официально возлагал генерал-майор Султан Азамат-Гирей, родственник Джембулата. Он требовал от высшего начальства открыть расследование, которое, впрочем, было проведено формально и совершенно поверхностно. (РГВИА. Ф. 482. Д. 62: Переписка ДГШ со штабом Отдельного Кавказского корпуса по ходатайству султана Азамат-Гирея. О расследовании обстоятельств смерти его родственника Кермийского князя Джембулата Ойтекова. 1838 г., июня 5 – июня 6. Л. 1-8, 10-10 об.).

Не менее характерно, что проживание группы хатукаевских армян с 1835 г. и до переселения в будущий Армавир в 1839 году, под управлением черкесского узденя первой степени (хатукаевского владения) Магомет-Гирея Педисова напротив станицы Кавказской также описывается Щер-

Савва Дангулов

биной, по рассказам старожилов-черкесогоаев, в самых положительных тонах. (Щербина Ф. А. История... С. 9).

Исследователь жизни и творческой деятельности Р. К. Аракелова, С. Н. Ктиоров пишет о глубоких традициях адыгского устного творчества, которые были еще живы во времена детства Рафаэля Каспаровича: «Как и в большинстве домов коренных армавирицев, у Аракеловых свято сохранялись многие старинные черкесские традиции, проявлявшиеся в области пищи, костюма, повседневной хозяйственной утвари, религиозных представлений. Все это не могло пройти незаметно для бойкого смышленного Рафаэля. Особенно он любил слушать короткие адыгские нравоучительные повествования, так называемые «таурых», которые увлекательно рассказывал, заходивший каждый день в гости к Аракеловым пожилой сосед – Гавриил Тимофеевич Айвазов. Старик Гавриил, или как его чаще звали по-черкесски

Каприль, также происходил из старинного рода черкесогоаев. Он знал множество занимательных преданий из прошлого адыгов, закубанских армян и других народностей Северного Кавказа. Пожалуй, именно он зажег в душе маленького Рафаэля первую искорку горячего интереса к культуре и быту черкесогоаев и родственных им горцев. Неспешные «таурых» в исполнении Каприля Айвазова и других почтенных стариков армавирицев на всю жизнь запечатлелись в памяти Рафаэля Каспаровича. Уже на склоне лет он вспоминал об этих днях детства: «После обеда на стол ставили виноград или фрукты. Каприль, отщипывая по ягодке и причмокивая от удовольствия, начинал какой-нибудь общий разговор, а затем, постепенно, переходил на станину – о первых поселенцах Армавира, о набегах, о хитростях Засса, об Абатовых, с которыми Айвазовы давали клятву взаимной верности; обо всем том, чем была богата жизнь Северо-Западного Кавказа в прошлом столетии». В дальнейшем Р. К. Аракелов стал целенаправленно заниматься сбором, переводом и литературной обработкой «таурых», рассматривая их как ценнейшие памятники фольклора черкесских армян и адыгов. В 1957 г. ему удалось напечатать 5 подобных повествований в 7-м номере альманаха «Дружба», издававшегося в г. Майкопе. Данный труд Р. К. Аракелова получил хорошую рецензию в краевой газете «Советская Кубань». До наших дней эта небольшая подборка является единственной публикацией произведений устного народного творчества черкесогоаев». (Ктиоров С. Н. «Образы людей проходят предо мною». Биографический очерк о Рафаэле Каспаровиче Аракелове // http://armavirskiy.narod.ru/hist/arakelov_content.htm).

«В 1960-е гг., – отмечает Ктиоров, – Р. К. Аракелов наряду со сбором историко-этнографического материала начинает все более активно заниматься его анализом и исследовательской работой. Направления его деятельности были самыми разнообразными. Рафаэль Каспарович много лет выявлял и изучал тамги – родовые знаки собственности черкесогоаев, пытался выяснить их происхождение и связи с подобными фамильными знаками горцев; серьезно занимался вопросами антропоники закубанских армян, анализируя этимологию их имен и фамилий; собрал десятки пословиц и поговорок коренных армавирицев, сравнивал их с аналогичными памятниками устного народного творчества адыгов; рисовал подробные схематические планы Армавира, выделяя на них традиционные кварталы – хабли черкесогоаев, отмечая места расположения оборонительных укреплений аула, старинные названия улиц, определял владельцев отдельных домовладений, указывал

важнейшие объекты и достопримечательности; составил подробное описание усадьбы коренных армавирицев, их жилищ и хозяйственных построек, планировки и обстановки комнат. Прекрасно зная адыгейский язык, Рафаэль Каспарович записывал и подробно, буквально построчно, анализировал исторические, бытовые и обрядовые песни горских армян и черкесов. Таким образом им были переведены и исследованы следующие песни: «Джантемирова Дударыко, его оплакивающая песнь», «Оплакивающая песнь об Уорасе Туганове», «Оплакивающая песня о царе Леоне VI», «Переселение в Стамбул-Турцию», «Оу Редада», «Люльки (колыбельная) песнь» и др.

3 августа 1962 г. Р. К. Аракелов выступал с докладом на заседании сектора языка и литературы Адыгейского научно-исследовательского института в г. Майкопе с докладом: «Древние границы расселения адыгов по памятникам материальной культуры».

Р. К. Аракелов написал большую статью о традиционной черкесской детской люльке и об обрядах, связанных с рождением и воспитанием ребенка. Огромный интерес представляет его работа «Архитектурные памятники в Армавири и вокруг него», а также исследования о древних христианских храмах Северного Кавказа. Пожалуй, главным трудом, созданным Рафаэлем Каспаровичем, является объемная рукопись «Топонимия Армавира и других мест проживания черкесогоаев». В ней собраны и тщательно проанализированы географические названия тех мест, с которыми были связаны горские ар-

КУЛЬТУРА ЧЕРКЕСОГАЕВ

мяне. В эту работу вошел материал не только об Армавири и Кубани, но и о топонимах Карачаево-Черкесии, Крыма и Дона. Исследование по топонимике Р. К. Аракелов направил для рецензии в г. Нальчик своему знакомому, профессору Дж. Н. Кокову, руководившему ономастическим семинаром при кафедре русского языка Кабардино-Балкарского госуниверситета. На заседании семинара (26.04.1986 г.) был составлен официальный отзыв, в котором говорилось: «В названной рукописи содержится ценный материал по языку и этнической культуре адыгейцев армянского происхождения (черкесогаев г. Армавира). Материалы рукописи дают много интересного для изучения результатов взаимодействия языков — армянского и адыгского». Члены семинара, высказав ряд конкретных замечаний, рекомендовали работу к печати.

В области топонимических изысканий Р. К. Аракелов плодотворно сотрудничал с известным адыгейским исследователем-лингвистом К. Х. Меретуковым... К сожалению, мы никогда точно не узнаем о всех исторических исследованиях Р. К. Аракелова, поскольку многое из его архива было утрачено, а ряд произведений сохранился лишь в черновиках и отрывках. Самое главное значение деятельности Рафаэля Каспаровича состоит в том, что в нашей стране он являлся практически единственным человеком, который систематически и целенаправленно собирал и изучал произведения фольклора коренных жителей Армавира черкесогаев, стремился сохранить и донести до потомков эти бесценные памятники, отразившие мудрость, мировоззрение, этические принципы и идеалы своеобразной национальной группы населения Северо-Западного Кавказа. Больше этим не занимался никто». (Ктиторов С. Н. «Образы людей проходят предо мною». Биографический очерк о Рафаэле Каспаровиче Аракелове // http://armavirskiy.narod.ru/hist/arakelov_content.htm).

Жилищно-поселенческий комплекс черкесогаев полностью воспроизводил черкесский, включая такой важный элемент как гостевой дом хьакъэщ. Также существовало понятие унэщхо («большой дом»), которое обозначало совокупность близкородственных домовладений.

Готовилась обязательная в повседневном меню паста (пастэ), кукурузные и пшеничные лепешки «маджодж», чепыш, лелепш, губыд, фабехалюв и т. д. по обширному списку традиционной черкесской кухни. (Названия даны в том виде, в каком они были записаны в разное время этнографами и историками).

В Черкесии, проживая компактно в том или ином княжестве, черкесогаи пользовались самоуправлением, избирая так называемых тхамада (адыг. тхьаматэ «старшина в ауле»), которые рассматривали спорные вопросы по нормам адыгского обычного права.

Соционормативная культура черкесогаев также следовала нормам Адыгэ Хабзэ. Мужчина черкесогаи считал для себя честью умереть в бою. Над ранеными черкесогаями устраивался обряд чапщ. (Аракелян Г. С. Черкесогаи. С. 105). (Клещ «вечеринка, устраиваемая друзьями, родственниками для раненого; раненому или больному с переломом не дают спать, чтобы он не вздрогнул во сне и не повредил склеенную или перевязанную кость. Друзья и родственники поочередно привозят все необходимое и устраивают вечеринку с танцами». ТСАЯ. С. 266).

Существовало подчеркнутое уважение к старшим. Невестки следовали обычаю избегания.

В конце июля черкесогаи отмечали праздник Псыутж, во время которого люди обливали друг друга водой. Практиковался обряд вызывания дождя Ханцегуашь (Хьанцэгуашь — «деревянная лопатка, одетая в женское одеяние. Ее водят в засуху по дворам и обливают водой»). ТСАЯ. С. 459).

Как и черкесы, черкесогаи почитали деревья, пораженные молнией. «В Армавири было три таких дерева. Вокруг стволов этих деревьев были обмотаны железные цепи и в радиусе двух метров выставлены камни. Около одного из таких деревьев на длинной палке был выставлен череп человека, убитого молнией. Это место почиталось особо. К этим деревьям приходили в самых различных случаях, приводили жертвенных бычков, баранов, которых здесь же резали, варили и тут же устраивали ритуальную трапезу. Рога жертвенных животных клали под дерево».

В армавири период описаны обряды и магические действия, связанные с оспой, которую черкесогаи называли «тхакъофышо», по-черкесски буквально «истощенный бог». (Там же. С. 117). Оспа по-адыгски шьорэкъы, поэтому в том названии, которое приводит Аракелян можно усмотреть второе название, к которому прибегали в результате запрета на произношение настоящего названия болезни. Подобное табуирование является широко присущим многим традиционным культурам.

В фольклоре черкесогаев важное место занимал цикл нарских преданий и песен. В 30-е гг. XX в. немецкий ученый

К. Боуда (K. Boyda) записал в Армавири цикл черкесских преданий и песен и, в том числе, «Адииф» и «Хьасасэ иорэд». (Там же. С. 111-112).

Еще в начале XX в., «ведя службу в церкви на армянском языке, священники, как правило, тут же переводили текст проповеди на черкесский язык». (Там же. С. 122).

В 1936 г. по просьбе черкесогаев Е. Шахазиз написал книгу «Черкезия», рукопись которой хранится в архиве Музея Литературы и Искусства имени Египше Чаренца в Ереване.

Одной из развитых отраслей экономики черкесогаев являлось коневодство. В 1876 г. у черкесогаев Армавира насчитывалось 5.746 лошадей. (Бентковский И. В. Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. Ставрополь, 1879. С. 8).

В начале XX в. в числе крупных коннозаводчиков Пятигорского отдела фигурируют села Абуково Антон, Сергей, Григорий и Мартирас Тамбиевы, разводившие лошадей кабардинской породы. (Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа (по данным военноконских переписей 1900 — 1906 гг.). СПб., 1908. С. 92). Эти Тамбиевы происходили, по сей видимости, от одного из кабардинских дворян Тамбиевых, волею случая принявшего армяно-григорианскую веру.

Н. М. Набокова, исследователь армавирического диалекта адыгского языка, отмечала, что в середине XX в. старшее поколение черкесогаев сохраняло в своей речи диалектные особенности тех адыгских субэтносов, среди которых проживали их предки. Но произошло и стирание этих региональных особенностей и выработка единого армавирического диалекта. (Набокова Н. М. Особенности армавирического говора адыгейского языка. Автореф. канд. дис. Майкоп, 1964).

Из числа черкесогаев вышла целая плеяда выдающихся деятелей. Всемирно известный писатель и выдающийся деятель французской культуры XX в. Анри Труайя (Тарасов) — член Французской академии, лауреат многочисленных литературных премий, автор более сотни томов исторических и художественных произведений, всемирно признанный исследователь исторического наследия России. Серия книг «Русские биографии» многократно переведалась на многие языки, миллионы читателей во всем мире изучают по ним историю и культуру России.

Тарасов Николай Лазаревич (1882 — 1910) — меценат Московского Художественного театра.

Дангулов Савва — классик советской литературы, многолетний главный редактор журнала «Советская литература».

Джагулов Джамбулат Акимович. В 1961 г., в Адыгейском книжном издательстве, в свет вышел его роман «Звезда Галимет». Он создал на русском языке пьесы «Возмездие» и «Сузан». В основу драмы Д.

Джагулова «Возмездие» легла острая социальная борьба с работорговлей, автор также поднял тему Кавказской войны. (Галай Е. Г. Драматический конфликт в пьесе Д. Джагулова «Возмездие» // Материалы VI Всероссийской научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодёжь» (5-6 февраля 2009 г.). Т. 2. Майкоп, 2009. С. 223 — 226).

Джентемиров М. — герой социалистического труда, первый заместитель председателя Госстроя СССР.

Одним из наиболее известных представителей черкесогаев стал поэт Александр Борисович Кусиков (Армавир, 1896 — Париж, 1977). «Поэт старательно романтизировал свой образ, — отмечает один из исследователей его жизни и творчества, — создавая себе имидж дикого горца: сочинил себе черкесское происхождение и тщательно это подчеркивал в стихах и письмах, в одежде (черкеска и военный френч, брюки-галифе и высокие сапоги, на плечах бурка, в руках четки) и манере поведения». http://www.silverage.ru/poets/kusik_bio.html. А. Б. Кусиков обучался в Баталпашинской гимназии. В 1915 г. был призван на военную службу. Служил в Северском драгунском полку и был ранен. В 1917 г. был назначен военным комиссаром Анапы. После октябрьского переворота уехал в Москву. Позднее он писал о себе: «я с полковником Ц. формирую в Петровском парке первый советский полк и назначаюсь командиром отдельного кавалерийского дивизиона. С начала 21-го, раз и навсегда оставляю военную службу».

В Москве Кусиков включается в литературную жизнь, посещает «Кафе поэтов», знакомится с В. Брюсовым, С. Есениным, В. Маяковским, К. Бальмонтом. В 1918 г. выпускает свой первый сборник «Зеркало Аллаха», включивший стихи 1914 — 1918 гг. Организует издательство «Чихи-Пихи», где в 1919 г. вместе с Бальмонтом, под влиянием которого в этот период находился, выпускает сборник «Жемчужный коврик» и там же собственную книгу стихов «Сумерки».

В январе 1922 г. Кусиков получил при содействии Луначарского заграничную командировку и выехал в Берлин. В Берлине выходят его сборники «Аль-Баррак» (1922), «Птица безымянная» (1922), и «Рябка» (1923). Стихи его переводят на немецкий и французский языки, а также на идиш. Кусиков часто выступает на литературных вечерах с Есениным, А. Толстым, М. Цветаевой, В. Маяковским, Игорем Северяниным. Неоднократно бывая в Париже, читает стихи вместе с Бальмонтом. В 1923 г. он окончательно переселяется в Париж. К началу 30-х гг. Кусиков порвал с литературой. (http://ru.wikipedia.org/wiki/Кусиков,_Александр_Борисович).

Артём Тарасов

/ru.wikipedia.org/wiki/Кусиков,_Александр_Борисович).

Известный поэт, прозаик и литературовед Лев Валерианович Куклин (1931 — 2004) написал великолепную статью о жизни и творчестве Александра Кусикова, выдержки из которой мы предлагаем читателю: «Художник-имажинист Борис Эрдман, постоянно иллюстрировавший книги своих друзей, поэтов-имажинистов, среди очередного нагромождения своих изломанных линий и геометрических фигур оставил нам портрет молодого мужчины с лицом типично «кавказской национальности»: острыми скулами, впалыми щеками, с небольшими усиками и ... в феске! Достаточно экзотическая фигура среди московской разношерстной публики, литературной и театральной, даже для тех лет — 20-х годов XX века... Звали этого молодого человека с портрета Б. Эрдымана Александр Борисович Кусикян, по происхождению был он черкесом, родившимся на Кубани, и писал стихи по-русски под именем Александр Кусиков. Названия его книг были своеобразны и своей, так сказать, специфичностью сразу же бросались в глаза: «Аль-Баррак», «Зеркало Аллаха», «Жемчужный коврик», «Джильфикар», «Искандер Наме», «То, чего нет в Коране»...

Вот стихи А. Кусикова из книги «Жемчужный коврик»:

Я родился в горах,
И неведом мне страх,
Я живу на холодных снегах.
Надо мной мой Аллах
Высоко в облаках,
В своих нежных и райских садах...

В стихах его рассыпаны подробности его биографии. В стихотворении с посвящением «Прекрасному черкесу — отцу моему» есть такие строки:

У меня на Кубани есть любимый пеня

С кольцами лет на сморщенной лысине...

А в другом месте:

...у меня на Кубани сосед слепец...

Или еще:

Есть у меня и родина — Кубань,

Есть и Отчизна — вздыбленная Русь.

(См.: Куклин Л. С минарета сердца // <http://lib.rus.ec/b/178012/read>).

Материалы подготовил
С. Х. ХОТКО

Тамга Тарасовых.
Изображение с личного сайта
Артема Тарасова.
www.artem-tarasov